

Н. А. Зелинская
*профессор кафедры международного права
и международных отношений Национального университета
«Одесская юридическая академия»,
доктор юридических наук, профессор*

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА О СЕКУЛЯРИЗМЕ И СВОБОДЕ СОВЕСТИ КАК ПРАВЕ ВЕРУЮЩИХ НА ПУБЛИЧНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СВОЕЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. А. Зелінська. Європейський суд з прав людини про секуляризм і свободу совісті як право віруючих на публічний прояв своєї релігійної ідентичності. – Стаття.

У статті розглядається практика Європейського суду з прав людини з питань захисту свободи думки, совісті і релігії, що складається в постсекулярному суспільстві в умовах радикалізації секуляризму. Досліджується проблема реалізації віруючими права на публічний прояв своєї релігійної ідентичності.

Ключові слова: Європейський суд з прав людини, право на свободу думки, совісті і релігії, секуляризм, світська держава, релігійна ідентичність.

Н. А. Зелинская. Европейский суд по правам человека о секуляризме и свободе совести как праве верующих на публичное проявление своей религиозной идентичности. – Статья.

В статье рассматривается практика Европейского суда по правам человека по вопросам защиты свободы мысли, совести и религии, складывающаяся в постсекулярном обществе в условиях радикализации секуляризма. Исследуется проблема реализации верующими права на публичное проявление своей религиозной идентичности.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, право на свободу мысли, совести и религии, секуляризм, светское государство, религиозная идентичность.

N. Zelinskaya. The European Court of Human Rights on secularism and freedom of conscience as the right of believers to publicly express their religious identity. – Article.

The practice of the European Court of Human Rights on the protection of the freedom of thought, conscience and religion, developing in the post-secular society in the conditions of secularism radicalization, is regarded in the article. The author examines the problem of realization of believers' right to public expression of their religious identity.

Keywords: the European Court of Human Rights, the right to freedom of thought, conscience and religion, secularism, secular state, religious identity

24 апреля 2013 года Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию «Соблюдение прав человека в связи с религиозными и иными убеждениями и защита религиозных общин от насилия». В числе прочего, Ассамблея призвала государства-члены к тому, чтобы «гарантировать уважение религиозных убеждений и традиций индивидов и общин в обществе, обеспечивая при этом поддержание баланса с правами других лиц в соответствии с судебной практикой Европейского суда по правам человека»; «обеспечивать место религиозных убеждений в публичной сфере, гарантируя свободу мысли в сфере здравоохранения, образования и государственной службы при условии, что права других на свободу от дискриминации соблюдаются и что гарантируется доступ к юридическим услугам»; «обеспечить полное соблюдение статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и соответствующей судебной практики Европейского суда по правам человека ... , а также уважение и осуществление свободы общин или индивидов, определяемой религией или убеждениями, в рамках закона»¹.

Резолюция Парламентской Ассамблеи свидетельствует о том, сколь серьезная значимость придается судебной практике Европейского суда по правам человека в решении грандиозной важности цивилизационных задач, связанных защитой религиозной идентичности человека и обеспечением надлежащего места религиозных убеждений в публичной сфере. Европейский суд призван принимать сложнейшие мировоззренческие решения в условиях радикализации процессов секуляризации в постсекулярном обществе. Эта, на первый взгляд, парадоксальная характеристика нашего времени не несет в себе противоречия и имеет достаточно простое объяснение.

---

¹ Résolution de l'Assemblée parlementaire du Conseil de l'Europe № 1928 (2013) du 24 avril 2013 «Sauvegarder les droits de l'homme en relation avec la religion et la conviction et protéger les communautés religieuses de la violence». Перевод А.И. Понкиной // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://strasbourg-reor.org/?topicid=1047>. – П. 9.8, 9.9, 9.13.

В условиях возрастания роли религии в странах Европы (как Западной, так и Восточной) возрастает сопротивление процессу возвращения религии в публичное пространство – процессу, характерному для современного постсекулярного общества. Действие порождает противодействие. Наблюдаются процессы радикализации антихристианского секуляризма – одной стороны, и десекуляризация, становление постсекулярного общества – другой.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на встрече с генеральным секретарем Совета Европы Т. Ягландом 21 мая 2013 г. сказал:

«Мы несем ответственность за то, что происходит в этой цивилизации, на основании своего собственного исторического уникального опыта, через который не прошла ни одна европейская страна в XX веке. Это в нашей стране строилось общество без Бога. Мы знаем, что это за система. Исходя из этого, мы выражаем готовность участвовать в диалоге с Вами и со всеми заинтересованными силами в Европе для того, чтобы размышлять о нашем общем будущем»¹.

Искоренение религиозной идентичности народов на территории бывшего СССР происходило физическим истреблением людей – носителей многовекового религиозного мировоззрения – и «интеллектуальными» методами – антирелигиозной пропагандой, кощунством, осмеянием религии как «опиума для народа». Жесточайшие гонения, выразившиеся во внесудебных казнях и уголовных репрессиях в отношении священнослужителей, закрытии монастырей, разрушении и осквернении храмов, глумлении над святынями всех религий и религиозными чувствами верующих, преследовали одну цель – полного уничтожения религиозного мировоззрения и даже памяти о нем. Ф. Дзержинский писал: «Тов. Лацис глубоко прав, когда говорит, что Коммунизм и Религия взаимно исключаются, а также глубоко прав и в том, что религию не сможет разрушить никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК»².

Воплощение задуманного потребовало жесточайших мер, направленных на подрыв духовных основ жизни народа, на созда-

¹ Представительство Русской Православной Церкви в Страсбурге. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.strasbourg-reor.org/?topicid=1003>.

² Шапов Я.Н. Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – С. 146.

ние «нового человека», новой философии, нового мышления. Гонения на Церковь, духовенство, на мирян, не отрехшихся от Бога, осуществлялись под предлогом борьбы с контрреволюцией. Лицам, преследуемым за веру, предъявлялось обвинение в контрреволюционной деятельности¹. Разделив судьбу своего народа, приняли смерть тысячи мучеников за веру. Вспомним жертв «Бутовского полигона» – одного крупнейших мест массовых расстрелов и захоронений жертв сталинских репрессий. «Сегодня известны имена 20760 человек, здесь убиенных. Эти люди были расстреляны в течение короткого периода времени – с августа 1937 г. по октябрь 1938, а полигон «функционировал» с 34 по 53 год.... Те, о ком мы знаем – мужчины и женщины в возрасте от 14 до 82 лет, представители 73 национальностей, всех вероисповеданий, всех сословий.... Около 1000 человек, из числа погребенных в Бутово, пострадали как исповедники Православной Веры, более трехсот, сегодня прославлены в лике святых»². По данным правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, в 1937 году было арестовано 136.900 православных священнослужителей, из них расстреляно – 85.300; в 1938 году арестовано 28.300, расстреляно – 21.500; в 1939 году арестовано 1.500, расстреляно – 900; в 1940 году арестовано 5.100, расстреляно – 1.100; в 1941 году арестовано 4.000, расстреляно – 1.900³.

Религиозное мышление воспринималось как одна из опаснейших форм «инакомыслия». Именно в среде верующих людей и в их душах сохранялась та «свобода совести», которая представлялась особенно опасной советскому режиму. Вплоть до конца 1980-х годов посещения храмов и участие в богослужениях для многих граждан СССР могли повлечь если не уголовные, то дисциплинарные репрессии. Преподнесенный историей горький урок, свидетельствующий о том, что свобода без совести, без уважения к чувствам и убеждениям миллионов людей, превращается в свою

---

¹ Мученики и исповедники Российские в контексте изучения архивно-следственных дел 1920-х – 1930-х годов //Оптинский альманах. Выпуск 3. 2009 г. Электронный ресурс: http://www.fond.ru/index.php?menu_id=374&menu_parent_id=358&show_date=1&category_id=14&article_page_content=0&show_preview_img=0&show_file_list=0&flag=ajax&page=1&regime=site&content_id=113.

² Бутово. Русская Голгофа. Бутовский полигон // Электронный ресурс: http://www.martyr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=176&Itemid=2.

³ Яковлев А.Н. По мошам и елей. – М. 1995. – С. 94 – 95.

полную противоположность – жесточайшую диктатуру, не усвоен последователями коммунистического научного атеизма.

Искренне уважая убеждения людей, не придерживающихся религиозных взглядов, и, безусловно признавая их право на свободу атеистических убеждений, вынуждена заметить, что, как это ни парадоксально, и сегодня, вопреки памяти о жертвах радикального секуляризма, некоторые «воинствующие безбожники» не отказались от своей воинственной риторики, грозящей перейти в практику. Нередко, представляясь оппонентами политической власти и совмещая демократические лозунги с высокомерным пренебрежением к «погрязшему в религиозной тьме демосу», они патетически провозглашают себя интеллектуальной элитой – новыми борцами за идеалы «свободы слова» и «свободы совести», которая вся чаще в их интерпретации выступает в виде свободы от совести.

Свобода слова предполагает права *каждого* распространять свои убеждения, но далеко не каждый имеет возможность пользоваться средствами массовой информации и «заглушать» своей многократно усиленной свободой тихие голоса людей, молящихся в храме. Бывший Специальный докладчик по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости Д. Дьен пронизательно заметил, что христианофобия, как и исламофобия, связана с культурным воздействием догматической секуляризации, стимулирующей подозрительное отношение к религиозному феномену, которое оправдывается необходимостью защиты исторического завоевания – отделения церкви от государства. Эта тревожная тенденция, спровоцировала появление в интеллектуальных и массмедийных кругах влиятельной антирелигиозной культуры и стимулировала нарастание нетерпимости по отношению к любой религиозной практике, форме или символически. Таким образом, христианофобия отражает также, по сути, дисбаланс между законной защитой светскости и уважением свободы религии¹.

Понятие «секулярное государство», понимаемое как государство светское, не несет негативного смысла по отношению к религии². «Принцип светскости государства – это один из основополагающих принципов построения и функционирования современного

---

¹ Ibid. – Para. 35.

² См. подробнее: Сальвиа, М. Принцип секуляризации в практике Европейского Суда по правам человека /М. Сальвиа ; Пер. с фр.Ю. Берестнева. //Российская юстиция. -2003. – № 10. – С. 28 – 30.

правового государства в большинстве стран мира. Существующие многочисленные интерпретации принципа светскости государства свидетельствуют о том, что светскость – далеко не такая простая и однозначная категория, как может показаться на первый взгляд», – отмечает И. В. Понкин¹. Однако существует и другое понимание секуляризма – как антирелигиозности, для Европы – в первую очередь, антихристианства.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл по этому поводу заявлял:

«Мы наблюдаем сейчас активную попытку вытеснить – особенно христианскую культуру, христианскую веру из жизни Европы. Мы должны ясно говорить нашим оппонентам о том, что не готовы принять секуляризацию как синоним безбожного, нерелигиозного мира. Тогда это не секуляризация – тогда это победа одной из идеологий, тогда это победа атеизма; мы же с вами уже жили в атеистическом обществе и знаем, что это такое»². «На основе ложной интерпретации прав человека во многих государствах сегодня устанавливается совершенно новая реальность. Утверждается, что религиозный контекст не может обеспечить права и свободы всех религиозных меньшинств<...>. Якобы, только секулярный контекст обеспечивает равные права. Но что в результате происходит? Итог – не секулярный, а антихристианский контекст... Вместо секулярного и нейтрального пространства мы имеем примеры яркой христианофобии»³.

«Современный воинствующий секуляризм, подобно русскому большевизму, воспринимает себя как мировоззрение, пришедшее на смену христианству. Именно поэтому он не нейтрален и не безразличен по отношению к христианству: он откровенно враждебен ему»⁴, – утверждает митрополит Иларион (Алфеев). «Воинствующий

¹ Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Прогресс, 2003. – 416 с. С. 7, 8.

² «Известия» от 19 июля 2010 года <http://apologet.in.ua/apologetika/ateizm-i-agnostitsizm-sekulyarizatsiya-i-degradatsiya-obshchestva-ich-preodolenie/sekulyarizatsiya/stati-o-sekulyarizatsii/1767-patriarch-kirill-ob-otdelenii-tserkvi-ot-gosudarstva.html>

³ Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Христианское понимание свободы в современном обществе // Церковь и время» № 51 Научно-богословский и церковно-общественный журнал <http://www.mospat.ru/church-and-time/410>.

⁴ Епископ Иларион (Алфеев). Христианство перед вызовом воинствующего секуляризма. Доклад на международной конференции «Социальное учение Православия в современном обществе», Москва, 15 марта 2004 года.

щий секуляризм...тоже является псевдо-религией, имеющей свои незыблемые вероучительные установки и нравственные нормы, свой культ и свою символику. Как и русский коммунизм XX века, он претендует на мировоззренческую монополию и не терпит конкуренции. Именно поэтому лидеры секуляризма болезненно реагируют на религиозные символы и вздрагивают при упоминании о Боге»¹.

Радикализация секуляризма происходит в условиях возрастания влияния религии в современном мире. В течение последних двух столетий теоретики секуляризации говорили о неизбежности утраты роли религии. «Крушение традиционной религиозной веры, горько оплакиваемое защитниками церкви и радостно встреченное теми, кто видит в старых убеждениях одни лишь предрассудки, – факт, не подлежащий сомнению», – писал в 1912 г. Б. Рассел².

Прошло сто лет с того времени, когда были сказаны эти слова, и история показала, что *«традиционная религиозная вера»* не только не потерпела крушение, но и усиливает свое влияние». Этот процесс отмечают, в частности, такие знаковые представители западной политической философии, как Ф. Фукуяма и С. Хантингтон. Ф. Фукуяма высказывает уверенность в том, что «люди вернутся к религиозной традиции»³.

С. Хантингтон пишет: «В первой половине двадцатого века представители интеллектуальной элиты, как правило, полагали, что экономическая и социальная модернизация ведет к ослаблению роли религии как существенной составляющей человеческого бытия... Вторая половина двадцатого столетия показала, что эти надежды и опасения беспочвенны. Экономическая и социальная модернизация приобрела глобальный размах, и в то же время произошло глобальное возрождение религии»⁴.

Бывший некогда убежденным сторонником теории секуляризации известный социолог и философ П. Бергер в приобретшей широкую известность статье «The Desecularization of the World: A Global Overview», опубликованной впервые в 1999 г., утверждает

---

¹ Там же.

² Рассел Б. Сущность религии// Б. Рассел, Почему я не христианин. Избранные атеистические произведения. – М., Политиздат, 1987. – Электронный ресурс: <http://www.aquarun.ru/psih/relig/relig3.html>

³ Фукуяма Ф. Великий разрыв. – Москва: АСТ, 2003. – С. 478.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 139 -140.

ет: «предположение о том, что мы живем в секуляризованном мире, ошибочно»<...>. «Мир сегодня, за некоторыми исключениями, столь же жаростно религиозен, как и всегда, а в некоторых местах больше, чем когда-либо» (*The world today, with some exceptions to which I will come presently, is as furiously religious as it ever was, and in some places more so than ever*)¹.

Хотя термин «теория секуляризации» получил широкое распространение в 1950-х и 1960-х годах, – пишет П. Бергер, – он был основан на идее, которая может быть прослежена с эпохи Просвещения. Эта идея проста: развитие современного общества обязательно приводит к снижению роли религии, и в обществе, и в сознании индивидов. И именно эта ключевая идея, по мнению П. Бергера, оказалась ошибочной. «Надо признать, что модернизация имела определенный эффект секуляризации, в одних местах больший, в других – меньший. Но она также вызвала движение против секуляризации. Кроме того, секуляризация на общественном уровне не обязательно связана с секуляризацией на уровне индивидуального сознания. Некоторые религиозные учреждения потеряли власть и влияние во многих обществах, но и старые и новые религиозные верования и практики, тем не менее, продолжали развиваться, иногда принимая новые институциональные формы, в том числе ведущие к «взрывам религиозного рвения». По меньшей мере, отношения между религией и современностью достаточно сложны»².

«Особенностью современного мира является то, что секуляризация более не воспринимается как непреложная закономерность развития современного общества, результатом действия которой должно стать доминирование безрелигиозного, то есть «секулярного» человека, – отмечает Т. П. Минченко. «Постсекулярность» и «десекуляризация» становятся чертами новой реальности»³. Сегодня наблюдается явный всплеск интереса к религии⁴. Религия

---

¹ Berger P.L. The Desecularization of the World: A Global Overview// The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics/ Ed.by Peter L. Berger. – Washington, D.C.: Wm. B. Eerdmans PublishingWm. B. Eerdmans Publishing, 1999. – P. 3.

² Ibid. – P. 4.

³ Минченко Т. П. Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности: истоки и перспективы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – 24.00.01 – теория и история культуры. – Томск, 2011.

⁴ See: Berger P. L. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. – Washington, DC: Ethic and Public Policy Center, 1999.

возвращается в политику, оказывая существенное влияние на государства и международные отношения¹.

«На исходе XX века идея постсекуляризма носилась в воздухе: вся мировая ситуация говорила о том, что господствовавшая прежде на Западе идеология радикальной секуляризации, вытеснения религии из всех сфер общественной жизни и культуры не отвечает реальности и требует коренного пересмотра. Но первое четкое оформление идеи принадлежит одному человеку и даже связывается с одним конкретным событием. В октябре 2001 года крупнейший современный философ Юрген Хабермас, прежде один из видных сторонников и теоретиков идей секуляризации, выступил с речью «Вера и знание» при вручении ему ежегодной Премии Мира немецких книгоиздателей. Именно в этой речи было сказано, что требованием времени и, больше того, необходимым практическим выводом из тогда только что разыгравшихся трагических событий 11 сентября 2001 года является отказ от политики секуляризации и переход от конфронтации между религиозным и секуляризованным сознанием к их партнерству и диалогу», – пишет известный российский религиовед С. С. Хоружий². Хабермас приветствует усиливающееся присутствие «сакрального/религиозного» в публичной сфере. Это общество уже нельзя назвать секулярным, а скорее постсекулярным. Он убежден, что нам нужно преодолеть коммуникационный разрыв между «секулярной речью, доступной, по ее собственному пониманию, всем, и речью религиозной, зависящей от истин откровения», создав такое публичное пространство, которое обеспечило бы возможность коммуникации между всеми группами (верующими и неверующими).

В интресующем нас контексте чрезвычайно важны следующие рассуждения Ю. Хабермаса:

«Прежде либеральное государство требовало лишь от верующих граждан раскалывать свою идентичность на публичную и частную составные части. Прежде чем их аргументы принимались во внимание для того, чтобы получить одобрение у большинства, верующие должны были переводить свои религиозные убеждения

---

¹ See: Toft M. D., Philpott D., Shah T.S. God's Century: Resurgent Religion and Global Politics. – W. W. Norton & Company 2011.

² Хоружий С.С. Постсекуляризм и антропология. Antropolog. Ru. Электронный альманах о человеке. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.antropolog.ru/doc/persons/Horujy/Horuj1>.

на секулярный язык. Сегодня так делают католики и протестанты, когда они наделяют оплодотворенную яйцеклетку, находящуюся вне утробы матери, статусом носителя основных прав человека, пытаясь таким образом и, возможно, слишком поспешно перевести богоподобие человека как творения Бога на секулярный язык основных прав. Однако поиск оснований, нацеленных на всеобщую приемлемость, лишь тогда не приведет к некорректному исключению религии из сферы публичности и не отделит секулярное общество от важнейших ресурсов смыслоутверждения, когда и секулярная сторона сохранит в себе смысл для подчеркнутого усиления религиозных языков. Граница между секулярными и религиозными основаниями и без того подвижна. Поэтому утверждение спорной границы должно пониматься как кооперативная задача, требующая от обеих сторон признать также и перспективы каждой из них. Либеральной политике не следует экстернализовать вечный спор о секулярном самопонимании общества, а именно помещать его в головы верующих. Демократически просвещенный здравый смысл неединичен, он описывает ментальное строение многогласной публичности. Секулярное большинство не должно выносить решения по важным вопросам прежде, чем оно прислушается к возражениям оппонентов, ощущающих себя ущемленными большинством в своих религиозных убеждениях; оно должно рассматривать эти возражения как своего рода отсроченное вето для того, чтобы проверить, что оно из этой ситуации может вынести»¹.

Серьезный вклад в развитие концепции постсекулярного общества внес Б. Тэйнор, который писал: «Надо заметить, что строго нейтральное секулярное либеральное государство – это не государство своего общества, но государство, стоящее вне и над обществом, его жизнью и ценностями, не «сообщество сообществ», охватывающее и координирующее различные ценности и взгляды составляющих его групп и культур, а «внешний» арбитр тех, кто заявляет о своих правах. <...> Главная задача постсекулярного либерального государства – стать объединяющим началом, пронизывающий все аспекты общественной жизни. Как и в случае

---

¹ Хабермас Ю. Вера и знание. *Glauben und Wissen*. Речь Ю. Хабермаса 14 октября 2001 г. в церкви Св. Павла во Франкфурте-на-Майне по случаю присуждения ему Премии мира Биржевого союза немецкой книготорговли // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2002. – С. 119.

«старого» секулярного либерального государства, «новое» постсекулярное либеральное государство продолжит сохранять нейтральное отношение к мировоззренческим вопросам, позволяя им сосуществовать без взаимного вмешательства, но оно также будет стремиться искать связующие их нити»¹.

Нейтральность государства не должна быть нейтральностью равноудаленности от его религиозной и нерелигиозной сфер, а «равноприближенностью» к ним. Государство должно понимать язык разума, лишенного веры, и веры, отнюдь не лишенной разума. Выступая на открытии Международной научно-практической конференции «Духовный подвиг святых равноапостольных Константина и Елены – начало и торжество Христианского мира в истории человечества» 2 октября 2012 года, митрополит Иларион сказал: *«Религиозная нейтральность общества», выстраиваемая поборниками европейского секуляризма, на практике превращается в «ценностную зачистку» этого общества*².

В 2012 г. социолог А. Н. Крылов на основе проведенного в Берлинском Вест-Ост институте исследования религиозной идентичности в странах Западной и Восточной сформулировал следующие выводы: «В настоящее время роль религии и церкви в западно-европейском обществе существенно меняется. Вопрос о месте и доле христианства в идентичности объединенной Европы, как и будущее самой объединенной Европы, остается вопросом дискуссионным. Однако в идентичности каждого отдельного европейца, как индивида, становление которого обусловлено культурными, историческими корнями и морально-нравственными ценностями своего общества, христианство продолжает играть одну из определяющих ролей». Религиозная идентичность рассматривается А. Н. Крыловым «не просто как абстрактное понятие, а как выражение коллективного и индивидуального самосознания в постин-

---

¹ Трейнор Б. Теоретизируя на тему постсекулярного общества // Государство, религия, церковь в России и за рубежом : научный информационно-аналитический, культурно-просветительный журнал. – 2012. – № 2. – С. 178 – 212. С. 182.

² «Европейская цивилизация – от Миланского эдикта до христианофобии». Выступление митрополита Илариона на Международной научно-практической конференции «Духовный подвиг святых равноапостольных Константина и Елены – начало и торжество христианского мира в истории человечества».

дустриальном пространстве», «универсальный феномен, характерный для всех обществ и периодов человеческой истории»¹.

Важные юридические, исторические и философские аспекты культурной и религиозной идентичности рассматриваются в книге К. Кардиа «Европейская религиозная и культурная идентичность: вопрос о распятии профессора церковного права в Римского университета»². Серьезный интерес к проблеме религиозной идентичности проявляют российские исследователи, в частности, Т. П. Минченко³, Н. И. Горбачук⁴.

Постепенное возрождение религии в государствах светского типа не остается не замеченным учеными: «Религиозная идентичность, особенно если говорить о монотеистических религиях, занимает особое, едва ли не доминирующее место в иерархии идентичностей. В некоторых странах мира, например, во Франции, секуляризм остается одним из столпов государственной политики, но в целом светские идеологии стали утрачивать свой мобилизационный потенциал»⁵.

Закрепление светского характера государства в национальном законодательстве, в конституциях происходит различными способами. А. Ф. Мещерякова обращает внимание на то, что одни страны (Франция и Россия) в текстах Основного Закона прямо декларируют, что они являются светскими государствами. Другие

---

¹ Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. – М.: Икар, 2012. – С. 17, 19.

² Кардиа К. Европейская религиозная и культурная идентичность: вопрос о распятии: вопрос о распятии. – Центр книги Рудомино, 2011. – 158 с.

³ Минченко Т.П. К вопросу об определении религиозной идентичности в современном мире. / Минченко Т.П. // Вестник томского государственного университета. – 2009. – №324 – С. 99 – 101; Минченко Т.П. Проблема религиозной свободы: история и современность. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 186 с.; Минченко Т.П. Понятие религиозной свободы и некоторые проблемы её осуществления // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 287. – С. 191-196; Минченко Т.П. Европейская концепция религиозной свободы и свободы совести: идеологические источники и законодательное закрепление // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 333. – С. 36-44; Минченко Т. П. Проблема мировоззренческой идентичности и принцип свободы совести в постсекулярном мире // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 345. – С. 47-2.

⁴ Горбачук Н.И. Личная религиозная идентичность: формирование, социокультурная реализация: (на материалах творчества С. И. Фуделя) : Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2011. – 267 с.

⁵ Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Человек верующий: религия и идентичность// Вопросы социальной теории. – Том 4. – 2010. – С. 373-95.

же, пишет автор, например Италия, ограничиваются перечислением отдельных характеристик, присущих государству светского типа, но при этом не называют себя таковыми. Очевидно, что при таком неоднозначном положении религии в обществах определенные расхождения имеются и в понимании светскости как правовой категории, определяющей отношения власти с религиозными объединениями, а также с гражданами по вопросам вероисповедания. Следует согласиться с утверждением А. Ф. Мещеряковой о том, что в этом плане несомненный интерес представляет позиция Европейского суда по правам человека¹.

В решении Европейского суда по правам человека «Коккинакис (Kokkinakis) против Греции» от 25 мая 1993 г. подчеркивается, что «свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» в значении, принятом Конвенцией. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. Плюрализм, неотделимый от демократического общества и который дорогой ценой был завоеван на протяжении веков, основывается на нем.

«Религиозная свобода, будучи, прежде всего, предметом совести каждого человека в отдельности, предусматривает, среди прочего, свободу «исповедовать [свою] религию». Свидетельствование словами и делами неразрывно связано с существованием религиозных убеждений. В соответствии со статьей 9 свобода исповедовать свою религию не только осуществима в сообществе с другими, «публично» и внутри круга тех, чью веру разделяет человек, но может утверждаться и «индивидуально», «в частном порядке»; более того, она включает в принципе право пытаться убедить своего ближнего, например, через «обучение», без чего «свобода измещения [своей] религии или верования», закрепленная в статье 9, осталась бы мертвой буквой»².

Важные соображения были сформулированы Европейским судом по правам человека в решении по делу от 20 сентября

---

¹ Мещерякова А.Ф. Принцип светскости государства в практике Европейского суда по правам человека // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. N 8. С. 76 – 81.

² Коккинакис против Греции. Решение Европейского суда по правам человека от 25 мая 1993 г., Страсбург (3/1992/348/421). – П. 31, 32.

1994 г. «Институт Отто-Премингер (Otto-Preminger-Institut) против Австрии».

Ассоциация-заявитель (Институт аудиовизуальных средств информации Отто Премингера – «ОПИ») намеревалась организовать, начиная с 13 мая 1985 г., демонстрацию фильма Вернера Шретера «Любовный собор»¹. После обращения Инсбрукской епархии Римской католической церкви прокурор за три дня до намеченного показа возбудил уголовное дело против управляющего ассоциации-заявителя по обвинению в покушении на совершение уголовно наказуемого деяния – «оскорбление религиозных верований» (статья 188 Уголовного кодекса Австрии). За день до показа фильма земельный прокурор Инсбрука вынес постановление о его аресте. 10 октября 1986 г. Земельный суд Инсбрука вынес решение о конфискации фильма, полагая, что существенное вмешательство в сферу религиозных чувств, вызываемое провокационной позицией фильма, перевешивало в данном случае свободу художественного творчества, гарантированную Конституцией Австрии. Европейский суд по правам человека в своем решении от 20 сентября 1994 г. постановил шестью голосами против трех, что ни арест, ни конфискация не были нарушением статьи 10 Конвенции. В обоснование этого решения Суд, в частности, высказал следующее соображение: «Суд не может игнорировать тот факт, что римско-католическая вера является религией подавляющего большинства тирольцев. Наложив арест на фильм, австрийские власти действовали в интересах обеспечения религиозного мира в этом регионе и для того, чтобы у отдельных людей не сложилось ощущение, что их религиозные представления стали объектом необоснованных и оскорбительных нападок»².

Европейский суд по правам человека развил свою позицию в решении от 25 ноября 1996 г. по делу Уингроу (*Wingrove*) против Соединенного Королевства, связанному с отказом властей в выдаче сертификата, который позволил бы продавать, сдавать в прокат или демонстрировать иным способом фильм «Видения экстаза» о

¹ Институт Отто-Премингер (Otto-Preminger-Institut) против Австрии. Судебное решение от 20 сентября 1994 г. <http://www.echr.ru/documents/doc/2461425/2461425.htm>.

² Ibid. – Paras. 55, 56.

жизни и произведениях Святой Терезы Авильской, кармелитской монахини, жившей в XVI в.¹

Согласившись с тем, что «уважение религиозных чувств верующих может законно побудить государство ограничить публичный показ провокационных изображений предметов религиозного поклонения», Суд счел, что «цель вмешательства состояла в том, чтобы оградить религиозную тему от такой трактовки, «которая при помощи уничижительного, бранного, оскорбительного, грубого и нелепого тона, стиля и духа способна оскорбить тех, кто верует и поддерживает предания и этику христианства»². Такая цель, по мнению Суда, несомненно, соответствует защите «прав других лиц» в смысле п. 2 статьи 10. Эта статья полностью созвучна статье 9, гарантирующей религиозную свободу. Следовательно, отказ выдать сертификат на распространение фильма «Видения экстаза» был обусловлен целью, являвшейся на основании статьи 10 п. 2 правомерной»³. Суд заключил, что «отказ выдать «Видениям экстаза» сертификат на распространение был направлен на защиту «прав других лиц», а конкретнее, предоставлял защиту от оскорбительных нападок на вещи, святыне в глазах христиан...»⁴.

Христианская Европа прервала свое молчание резкой реакцией на первоначальное решение Европейского суда по правам человека в деле Лаутси (*Lautsi*) против Италии, широко известному, как дело о наличии распятий в итальянских государственных школах.

Заявительница – гражданка Италии финского происхождения С. Лаутси – обратилась в Суд с жалобой по поводу соблюдения статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции во взаимосвязи со статьей 9 Конвенции. В 2001 – 2002 годах двое детей заявительницы посещали государственную школу, в каждом классе которой размещалось распятие. Усмотрев в этом противоречие с принципом секуляризма, в соответствии с которым она желала воспитывать своих детей, в

---

¹ European Court of Human Rights. Court (Chamber). Case of Wingrove v. UK (Application no. 17419/90). Judgment. Strasbourg. 25 November 1996 // <http://www.echr.ru/documents/doc/2461494/2461494.htm>.

² Ibid. – Para. 48.

³ Ibid. – Para. 51.

⁴ Ibid. – Para. 54.

2002 году заявительница возбудила административное разбирательство в отношении решения директора школы о размещении распятий в классах. Ее жалобы были отклонены решением, оставленным в последней инстанции без изменения Государственным советом. В 2007 году Министерство государственного образования рекомендовало директорам школ размещать распятия. Рассмотрев дело, Европейский суд (II секция) в решении от 3 ноября 2009 г. единогласно усмотрел нарушение требований статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции. По мнению Суда, обязательная демонстрация символа христианства при осуществлении публичных обязанностей в конкретных ситуациях, находящихся под государственным контролем, ограничивает права родителей на воспитание своих детей в соответствии со своими убеждениями и право детей верить или не верить. «Такие ограничения несовместимы с обязанностью государства соблюдать нейтралитет при осуществлении публичных функций и, особенно в сфере образования»¹.

Решение вызвало резкую отрицательную реакцию во многих странах Европы. В январе 2010 г. итальянское правительство его обжаловало. При рассмотрении жалобы Большой палатой к участию в процессе были допущены в качестве третьей стороны 33 члена Европейского Парламента (действующие коллективно), ряд неправительственных организаций – международных и национальных (из Греции, Италии, Германии и Франции), правительства государств – членов Совета Европы: Армении, Болгарии, России, Греции, Литвы, Мальты, Монако и Сан-Марино. Власти Италии поясняли, что наличие распятий в классах государственной школы, будучи следствием исторического развития Италии – факт, придававший ему не только религиозный смысл, но и связанный с идентичностью, – ныне отвечает традиции, которую они считали важным увековечить. Они добавили, что, помимо религиозного значения, распятие символизирует принципы и ценности, которые создали основу демократии и западной цивилизации, и что его

---

¹ Решение Европейского суда по правам человека (Вынесено II секцией) от 03.11.2009 Лаутси против Италии (Lautsi v. Italy) N 30814/06 // http://eclj.org/pdf/Lautsi_v_Italy_RUSSIAN.pdf.

содержание в классах в этой связи было оправданным¹. В своих совместных замечаниях, представленных на слушании, власти Армении, Болгарии, Кипра, Российской Федерации, Греции, Литвы, Мальты и Сан-Марино указывали, что, по их мнению, мотивировка Палаты основана на недопонимании концепции «нейтралитета», который Палата отождествила с «секуляризмом». По их мнению, поощрение секуляризма являлось политической позицией, которая, хотя и достойна уважения, не является нейтральной. Соответственно, в образовательной сфере государство, поддерживающее светское в противоположность религиозному, не является нейтральным². Тридцать три члена Европейского парламента, действующих совместно, заявили, что, принимая решение, последствием которого станет обязательное устранение религиозных символов из государственных школ, Большая палата пошлет «радикальный идеологический сигнал»³.

В своем решении от 18 марта 2011 г. Большая палата Европейского суда не согласилась с ранее вынесенным решением и выразила мнение, что вопрос о том, увековечивать традицию или нет, в том числе, решение о содержании распятий в классах государственной школы, в принципе, относится к пределам усмотрения государства-ответчика. Суд заключил, что по делу требования статьи 2 Протокола № 1 к Конвенции в отношении первой заявительницы нарушены не были⁴. Чрезвычайно важные соображения относительно секуляризма и свободы религии изложены в совпадающем особом мнении судьи Дж. Бонелло. Обратив внимание на то, что большинство доводов, выдвинутых заявительницей, призывают Европейский суд обеспечить отделение церкви от государства и принудительно осуществить в итальянских школах режим асептического секуляризма, судья Бонелло категорически заявил, что это не должно быть заботой данного Суда:

«Конвенция наделила данный Суд правом принудительно осуществлять свободу религии и совести, но не уполномочила

---

¹ Grand Chamber. Case of Lautsi and others v. Italy. Application no. 30814/06. Judgment. Strasbourg. 18 March 2011. – Para. 67.

² Grand Chamber. Case of Lautsi and others v. Italy. Application no. 30814/06. Judgment. Strasbourg. 18 March 2011. – Para 47.

³ European Court of Human Rights. Grand Chamber. Case of Lautsi and others v. Italy. Application no. 30814/06. Judgment. Strasbourg. 18 March 2011. – Para. 10.

⁴ European Court of Human Rights. Grand Chamber. Case of Lautsi and others v. Italy. Application no. 30814/06. Judgment. Strasbourg. 18 March 2011. – Para. 77.

его принуждать государства к секуляризму или навязывать странам системы религиозного нейтралитета. Каждое отдельное государство вправе выбирать, быть светским или нет, и отделять ли церковь от управления и в каких пределах. Чего не должно государство, это отказывать кому-либо в свободе религии и совести. Безмерная самоочевидная трещина отделяет одну инструктивную концепцию от других неинструктивных. Большинство доводов, выдвинутых заявительницами, призывают Европейский суд обеспечить отделение церкви от государства и принудительно осуществить в итальянских школах режим асептического секуляризма. Следует со всей прямотой заметить, что это не должно быть заботой данного Суда. Данный Суд должен надзирать за тем, чтобы Лаутси и ее дети во всей полноте пользовались своим фундаментальным правом на свободу религии и совести... Конвенция показывает себя весьма полезной с ее подробным и исчерпывающим реестром того, что свобода религии и совести в действительности означает, и мы бы хорошо поступили, если б имели эти институциональные ограничения в виду. Свобода религии – это не секуляризм. Свобода религии – это не отделение церкви и государства. Свобода религии – это не религиозное равноудаление – все это соблазнительные понятия, но никто не назначал данный Суд контролером ни одного из них. В Европе секуляризм является факультативным, свобода религии – нет. Свобода религии и свобода от религии, по существу, состоят в правах свободно исповедовать любую религию по выбору лица, праве свободно изменять религию, праве не обращаться к какой-либо религии вообще, и праве исповедовать свою религию путем веры, поклонения, обучения и культовых обрядов. Здесь реестр Конвенции иссякает, не достигая насаждения государственного секуляризма¹.

На наш взгляд, аргументы судьи Бонелло выглядят более чем убедительно и должны быть приняты во внимание при оценке современной концепции права на свободу религии и понятия секуляризма.

---

¹ European Court of Human Rights. European Court of Human Rights. Lautsi and others v. Italy/ Judgment – Separate Opinions Concurring opinion of Judge Bonello. – Paras. 2.3 – 2.6

Международно-правовая интерпретация понятия свободы совести включает в себя не только *forum internum*, но и *forum externum*. *Forum externum* относится к публичным и открытым проявлениям религиозных убеждений. То обстоятельство, что государство «отделено от церкви» не исключает его обязанности защищать право свободу вероисповедания, включающее в себя право на распространение своих убеждений не только атеистами, но и верующими людьми. Принципиально ошибочен подход, согласно которому «свобода слова» «принадлежит» критикам веры, а свобода совести – людям религиозным. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, и каждый имеет право на свободу слова – право выражать свои убеждения – как теистические, так и атеистические.

О возрастании активности воинствующего, радикального сексуализма свидетельствуют, в частности, вызвавшее пристальное внимание дело *Eweida and others v. the United Kingdom*. Дело было возбуждено по жалобам четырех британских граждан – Н. Эвейда, Ш. Чаплин, Л. Ладель и Г. МакФарлейна против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Заявители жаловались на то, что внутреннее право не смогло защитить их право на права исповедования своих религиозных убеждений. Учитывая, что заявления, поданные приблизительно в одно время, поднимали схожие вопросы согласно Конвенции, Суд объединил их в одно производство¹.

Первый заявитель – Н. Эвейда работала в частной компании «Британские Авиалинии». 20 сентября 2006 года не допустили к исполнению служебных обязанностей из-за ее отказа скрыть ее носимый ею на шее небольшой крест. Таким образом, Н. Эвейда было отказано в защите ее искреннего и традиционного желания выражать свою веру посредством ношения креста. Позднее ей предложили административную должность, которая не требовала ношения форменной одежды. Тем не менее, госпожа Эвейда решила не принимать это предложение, не приступала к работе и не получала заработную плату до 3 февраля 2007 года, когда компания «Бри-

---

¹ European Court of Human Rights. *Eweida and others v. the United Kingdom* / Judgment of the European Court of Human Rights (Fourth Section), 15 January 2013 (Applications №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 and 36516/10) Перевод А. И. Понкиной.

танские Авиалинии» отменила правила, касающиеся форменной одежды, и позволила ей демонстрировать крест.

По мнению Н. Эвейда, ношение креста видимым образом являлось общепризнанной формой практики христианства, и что национальное право, как оно толковалось и применялось английскими судами в отношении ее дела, не в состоянии было предоставить надлежащую защиту ее прав согласно статье 9¹. Второй заявитель (Ш. Чаплин) госпожа Чаплин также является практикующей христианкой, которая носит крест на цепочке вокруг шеи с 1971 года. Во время рассматриваемых событий она работала медицинской сестрой в гериатрическом отделении². Ш. Чаплин утверждала, что ношение креста или распятия видимым образом было очевидным аспектом практики христианства в общепризнанной форме. Она заявляла, что требование снять или прикрыть ее крест на работе представляет собой вмешательство в ее право выражать свою религию или убеждения, и это вмешательство не было оправданным в соответствии с пунктом 2 статьи 9. 67 – 69 Ш. Чаплин также утверждала, что указанные факты привели к нарушению ее прав согласно статье 14, рассматриваемой в сочетании со статьей 9, опираясь на предполагаемое различие в отношении к ней органа здравоохранения по сравнению с отношением к последователям других религий. Третий заявитель – Л. Ладель – подала жалобу согласно статье 14, рассматриваемой совместно со статьей 9, поскольку она сочла, что подверглась дискриминации на основе религии. Учитывая силу ее религиозных убеждений, она считала, что у нее не было выбора, и, в конечном счете, она потеряла свою работу. Четвертый заявитель – Г. МакФарлейн, работавший в частной компании, отказался выполнять обязанность по осуществлению психосексуального консультирования гомосексуальных пар, что привело к проведению в отношении него дисциплинарного разбирательства.

Позиция государства-ответчика включала в себя несколько принципиальных положений, отражавших его мнение относительно права на свободу вероисповедания, закрепленном в статье 9 Конвенции.

---

¹ Ibid. – Paras. 64, 66

² Ibid. – Para. 96.

Один из основных тезисов, выдвигаемых ответчиком в опровержение доводов заявителей, состоял в том, что «поведение, которое было мотивировано или вдохновлено религией или убеждениями, но которое не являлось при этом актом религиозной практики в общепризнанной форме, выходит за пределы защиты, обеспечиваемой статьей 9». Иначе говоря, в данном случае государство-ответчик не усматривало самого существования предмета обсуждения нарушения статьи 9, поскольку поведение истцов, повлекшее нежелательные для них последствия, не являлось проявлением свободы вероисповедания и не подлежало защите. Допуская, что такая позиция может быть не поддержана Судом, ответчик утверждал, что, «даже если ношение креста видимым образом или отказ от предоставления конкретных услуг гомосексуальным парам представляли собой выражение убеждений и, следовательно, право, защищаемое статьей 9, вмешательство в это право в отношении каждого из заявителей не имело места. Каждый из настоящих заявителей мог свободно искать работу в ином месте. Таким образом, второй аргумент защиты состоял в утверждении об отсутствии вмешательства в осуществление права на свободу вероисповедания. Важный аргумент государства-ответчика состоял также в том, Н. Эвейда и Г. МакФарлейн были наняты частными компаниями. Таким образом, их жалобы не содержали каких-либо обвинений в прямом вмешательстве со стороны государства, а содержали утверждения о том, что государство не сделало все, что от него требуется согласно статье 9, для обеспечения разрешения от частных работодателей выражать им свои религиозные убеждения на работе. Государство-ответчик подчеркнуло, что возможность позитивных обязательств, налагаемых статьей 9, должна быть признана в том случае, когда государством не были приняты меры, не позволяющие индивиду свободно исповедовать свою религию¹.

Серьезные доводы, направленные на опровержение позиции государства-ответчика, содержатся в Совместном заключении Представительства Русской Православной Церкви при Совете Европы и Института государственно-конфессиональных отношений

---

¹ П. 58 – 60.

и права о правовой оценке установления запретов на ношение нательных христианских крестиков, направленном Европейскому суду по правам человека представителем Русской Православной Церкви при Совете Европы игуменом Филиппом (Рябых) в июле 2012 г.

«Традиция обязательного ношения нательного христианского крестика несет в себе следующий нравственно-религиозный, религиозно-коммуникативный и религиозно-обрядовый смысл: а) как свободное выражение и проявление собственной религиозной принадлежности (причастности) и религиозной (религиозно-культурной) идентичности посредством постоянного ношения единственного в Православной Церкви средства такого выражения собственной религиозной идентичности – важнейшего христианского символов; в) как постоянное отправление (осуществление) религиозного обряда, идентифицирующего человека как православного христианина (в том числе в его самосознании); с) как добровольное свободное и осознанное принятие на себя религиозных обязанностей в целях следования христианским заповедям, возложенных на православного христианина каноническими регламентирующими нормами», – говорится в «Заключении»¹.

Посредством исполнения этого правила символическое значение крестика как символа христианского самопожертвования подкрепляет религиозную самоидентификацию верующих.

Европейский суд по правам человека в значительной мере согласился с доводами истцов. В подразделе «Общие принципы согласно статье 9 Конвенции» Суд дал чрезвычайно важные разъяснения. В частности, Суд напомнил, что как это закреплено в статье 9, свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» по смыслу Конвенции. В своем религи-

---

¹ Совместное заключение Представительства Русской Православной Церкви при Совете Европы (Страсбург, Франция) и Института государственно-конфессиональных отношений и права (Москва, Россия) о правовой оценке установления запретов на ношение нательных христианских крестиков (жалобы Найдя Эвейда и Ширли Чаплин против Великобритании, номера дел 48420/10 и 59842/10) в свете Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (2012) Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/sovместnoe-zaklyuchenie-predstavitelstva-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-pri-sovete-evropy-i-instituta-gosudarstvenno-konfessionalnyx-otnoshenij-i-prava-o-pravovoj-ocenke-ustanovleniya-zapretov-na-nosheni/>

озном значении она является одним из наиболее важных элементов, составляющих идентичность верующих и их мировоззрение, однако, также она является и ценностью для атеистов, агностиков, скептиков и незаинтересованных лиц¹. По первому, важнейшему, вопросу – составляет ли публичное использование религиозной символики и выражение своих религиозных убеждений подлежащее защите в соответствии со статьей 9 Конвенции проявление свободы вероисповедания, Суд заключил:

«Религиозная свобода является, прежде всего, вопросом мысли и совести индивида. Данный аспект права, закрепленного в пункте 1 статьи 9, права иметь любые религиозные убеждения и право менять свою религию или убеждение, является абсолютным и безусловным. Однако, как далее установлено в пункте 1 статьи 9, свобода религии также включает в себя свободу выражать свои убеждения в одиночестве и в частном порядке, но также и практиковать их вместе с другими и публично. Выражение религиозных убеждений может принимать форму поклонения, обучения, практики и соблюдения религиозных обрядов. Свидетельствование словами и поступками связано с существованием религиозных убеждений... Суд считает, что поведение госпожи Эвейда представляло собой выражение ее религиозных убеждений в форме поклонения, выполнения религиозных и ритуальных обрядов и подлежит защите согласно статье 9»².

Как и в случае с госпожой Эвейда и в соответствии с принципами, изложенными выше, Суд счел, что решение второго заявителя – Ш. Чаплин – носить крест на работе было выражением ее религиозных убеждений³. В отношении третьей заявительницы – Л. Ладель, было заявлено:

«По мнению Суда, очевидно, что отказ заявителя участвовать в создании однополых гражданских партнерств был непосредственно мотивирован ее религиозными убеждениями»⁴.

---

¹ European Court of Human Rights. European Court of Human Rights. Eweida and others v. the United Kingdom / Judgment of the European Court of Human Rights (Fourth Section), 15 January 2013 (Applications №№ 48420/10, 59842/10, 51671/10 and 36516/10). – Para. 80.

² Ibid. – Paras. 88, 89.

³ Ibid. – Para. 97.

⁴ Ibid. – Para. 103.

Г. МакФарлейн выразил несогласие с позицией государства-ответчика о том, что его приверженность иудео-христианской морали, связанной с половыми взаимоотношениями, не являлась выражением религиозных убеждений, несмотря на то, что везде религия провозглашает четкие нравственные пределы, связанные с половыми взаимоотношениями. По этому поводу Суд сделал чрезвычайно важное и четкое заявление:

«Суд признает, что непосредственной причиной отказа господина МакФарлейна были его ортодоксальные христианские взгляды на брак и сексуальные взаимоотношения и считает, что его отказ осуществлять консультирование гомосексуальных пар представил собой выражение его религии и убеждений. Позитивное обязательство государства согласно статье 9 требовало от государства защищать его права согласно статье 9»¹.

Таким образом, первый, важнейший аргумент государства-ответчика, состоявший в том, что поведение заявителей, послужившее поводом для принятия по отношению к ним дисциплинарных санкций, не являлось выражением религиозных убеждений и, следовательно, не подлежало защите в соответствии со статьей 9 Конвенции был полностью опровергнут Судом. Суд признал, поведение заявителей являлось проявлением свободы вероисповедания и подлежало защите в соответствии со статьей 9 Конвенции. Государство имело позитивное обязательство по обеспечению прав, предусмотренных статьей 9, в отношении всех четверых заявителей.

Второй принципиально важный вопрос состоял в том, было ли допущено вмешательство в свободу вероисповедания заявителей? Дав положительный ответ на этот вопрос, Суд также поддержал позицию заявителей. В частности, в отношении Н. Эвейда в решении Суда говорится:

«Суд полагает, что отказ компании «Британские Авиалинии» в период с сентября 2006 года по февраль 2007 года позволить заявителю занимать ее должность, нося крест видимым образом, являлся вмешательством в ее право выражать свою религию»².

В отношении Ш. Чаплин Суд заключил:

---

¹ Ibid. – Para. 108.

² Ibid. – Paras. 91, 80.

«Отказ органов здравоохранения позволить ей оставаться на должности медицинской сестры, нося при этом крест, был вмешательством в ее свободу открыто исповедовать свою религию»¹.

Признав, что имело место «вмешательство в свободу открыто исповедовать свою религию», Суд приступил к оценке допустимости такого вмешательства в каждом конкретном случае. Пункт 2 статьи 9 предусматривает, что любое ограничение, налагаемое на свободу лица выражать его религию или убеждения, должно быть предусмотрено законом и быть необходимым в демократическом обществе в преследовании одной или более законных целей, в нем указанных. В отношении Н. Эвейда Суд указал:

«На одной чаше весов было желание госпожи Эвейда выражать свои религиозные убеждения. Как отмечалось ранее, это является основным правом: поскольку здоровому демократическому обществу необходимо допускать и обеспечивать плюрализм и многообразие; но также по причине ценности индивида, который сделал религию центральным принципом его или ее жизни для того, чтобы быть способным сообщать эти убеждения другим. На другой чаше весов находилось желание работодателя создать определенный образ компании. Суд полагает, что, хотя указанная цель являлась, несомненно, законной, национальными судами ей придавалась излишняя значимость. Крест госпожи Эвейда был неброским и не мог вредить ее профессиональному облику <...>. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что, при этих обстоятельствах, когда нет никаких доказательств какого-либо реального посягательства на права других, национальные власти не смогли достаточным образом защитить право первого заявителя [Н. Эвейда] на выражение ее религии в нарушение позитивного обязательства согласно статье 9»².

Как видим, в своих суждениях в отношении Н. Эвейда Суд прямо заявил об отсутствии причин для ограничения ее права ношения креста. При принятии «отрицательного» решения по заявлению Ш. Чапли, Суд, тем не менее, совершенно определенно подтвердил наличие у заявительницы защищаемого статьей 9 права на ношение креста и объяснил наложенные на это право ограниче-

---

¹ Ibid. – Para. 97.

² Ibid. – Paras. 94, 95.

ния не социальными или правовыми, а санитарно-гигиеническими причинами, имеющими значение только в данном конкретном случае. Признав, что желание Ш. Чаплин носить крест на работе было выражением ее религиозных убеждений и ограничение этого права было вмешательством в свободу вероисповедания, Суд, в то же время, пришел к выводу, что «причина, по которой ее попросили снять крест, а именно, защита здоровья и безопасности в больничном отделении, по сути своей имеет большее значение, чем та, которая применялась в отношении госпожи Эвейда». Отсюда следует, что «вмешательство в ее свободу выражать свою религию было необходимым в демократическом обществе», и что нарушение статьи 9 в отношении Ш. Чаплин не имело места¹. Суд сформулировал при этом чрезвычайно важное заключение:

«Учитывая важность свободы религии в демократическом обществе, Суд считает, что, когда индивид жалуется на ограничение свободы религии на рабочем месте и не считает, что возможность смены работы свела бы на нет вмешательство в право, лучшим подходом было бы оценить такую возможность в общем равновесии при рассмотрении вопроса о том, было ограничение соразмерным или нет»².

Суд признал наличие права, защищаемого статьей 9, конституировал его ограничение работодателями, однако, согласно п. 2 статьи 9, счел такие ограничения допустимыми в силу их соразмерности в трех случаях из четырех.

Является ли такой результат «победой» государства-ответчика? Суть данного дела явно не была сосредоточена на оценке допустимости ограничения. Возможность ограничения, в принципе, никем не оспаривалась. Вывод Суда относительно допустимости ограничения носит сугубо оценочный характер и обоснование отказа в иске трем заявителям не привносит ничего нового в интерпретацию права на свободу совести. В то же время, доводы Суда, сформулированные по существу заявленных исков, носят концептуально значимый характер и свидетельствуют о том, что Суд разделил позицию заявителей по всем принципиальным вопросам.

Решение Европейского суда по правам человека по делу *Eweida and others v. the United Kingdom* в своей мотивировочной части является, на наш взгляд,

---

¹ Ibid. – Paras. 99 – 100.

² Ibid. – Para. 83

значительным вкладом в развитие концепции права человека на свободу вероисповедания и защиту религиозной идентичности.

Свобода распространения своих убеждений принадлежит не только атеистам, но и верующим. То обстоятельство, что государство является светским, не исключает его обязанности защищать право на распространение убеждений не только атеистами, но и верующими людьми. Принципиально ошибочен весьма распространенный подход, согласно которому «свобода слова» «принадлежит» только критикам веры. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, и каждый имеет право на свободу слова – право выражать свои убеждения – как теистические, так и атеистические. Религия и Церковь не должны быть вытеснены из публичного пространства и обречены на молчание.